

за *Ура Линда*): так на старофризском языке звучала бы фамилия Овер де Линден. Буквально эта фамилия означает «над (или за) липами», поэтому название можно понимать и как «Хронику из-за лип», и даже просто как... *липовую* хронику.

Сомнения в её подлинности возникли сразу же. Й. Винклер из Леувардена, которому был поначалу предложен перевод рукописи, немедленно обратил внимание на её язык — испорченный старофризский, но с массой вставок из современного нидерландского, — и заключил, что «ценность перевода не соответствовала бы затраченному времени и затраченным усилиям» (там же: 213). Кроме того, материал, на котором написана рукопись, оказался современной бумагой фабрики *Tielens und Schrammen* в Маастрихте, изготовленной не ранее середины XIX века. А никакого более древнего списка Корнелис Овер де Линден представить не смог. Даже Г. Вирт признаёт, что эта бумага «древней» была, видимо, сделана искусственно, вероятно, путём специальной дымовой обработки. В разрыве бумага оказалась белой» (там же: 214). Упоминание о свайных постройках на Цюрихском озере (Швейцария), открытых в 1853 г. и произведших революцию в европейской археологии, позволило заключить, что рукопись сфабрикована не ранее этого года. Правда, имеются письменные показания свидетелей, видевших рукопись у А. Мейльхофф между 1848 и 1850 гг. Но и эти показания, если даже им поверить, позволяют увеличить возраст рукописи лишь на пять лет, а не до XIII века, как сказано в её преамбуле (Письма I:4) и как настаивал Й. Г. Оттема. К тому же непонятно, почему К. Овер де Линден уже тогда начал собирать свидетельские показания в свою пользу.

Обсуждение длилось семь лет, после чего прекратилось — рукопись была признана фальшивкой. Т. Х. де Беер в 1876 г., пожалуй, первым назвал её составителя «новым Макферсоном» — автором псевдо-кельтских «*Песен Оссиана*»⁴⁴, фальшивки, оказавшейся, однако, у истоков западноевропейского романтизма. На том бы всё и кончилось, однако рукопись слишком заинтересовала фризских националистов, чтобы так просто от неё отказаться. Уже Й. Бекеринг Винкерс в 1876 г. указывал на фризские фамилии её апологетов: Й. Г. Оттема, А. Т. Рейсма, Витринга — «Mark the Friesians in the names!» (Vinckers 2005 {1876}: 2 = Vinckers 1876: 6).

II.7.2. Герман Вирт и страсти вокруг «Хроники»

Из небытия её извлёк полвека спустя Г. Вирт (Hermann Felix Wirth Roeser Bosch, 1885—1981) — весьма странная личность. Даже сочувствующий его идеям А. В. Кондратьев (2007: 52), переводчик «*Хроники Ура Линда*» в его редакции на русский язык, называет основными чертами его творчества «темы культурпессимизма, расизма и реформы жизни, постоянный акцент на неизбежности перемены жизни в самом её основании, ревитализации и возвращения к сакральным истокам». Это не помешало А. Г. Дугину наградить Г. Вирта высокопарнейшими эпитетами: «человек, увеличивший историю человечества на 12 тысяч лет — самый замалчиваемый гений эпохи; открыватель первоязыка человечества, реконструировавший пись-

---

⁴⁴ Beer, T. H. de, — Een nieuwe Macpherson. — *Euphonia* I, 1876, 27 Mei, pp. 2—3 (Kalma 1956, № 87). След за ним это сравнение подхватили Ник. Беетс в 1876 г. (там же, № 133), Г. А. Вумкес в 1934 г. (№ 340), Ф. С. Доминикус в 1936 г. (№ 565) и Э. Моленар (Liutse 1991, № S13). Сами «*Песни Оссиана*», несмотря на свою подложность, ставшие фактом истории литературы, изданы на русском языке в серии «*Литературные памятники*» (Макферсон 1983).

менность золотого века; паладин высокого Норда, избранник NORDLICHT'a — Света Севера, сын Фрейи» (Кондратьев 2007: 12 и сноска 16).

Немец, родившийся в Нидерландах (в Утрехте), Г. Вирт всю жизнь тяготел к ревизиям истории на основе радикальных идеологий. Среди его увлечений была идея Великих Нидерландов, фризский национализм (идеологи которого доходили даже до лозунга отделения Фризии от тех же Нидерландов), а затем — пангерманизм и нордизм. Как это всё было совместимо между собой — про то ему знать. На фотографиях, гуляющих по правым сайтам Интернета, взгляд Г. Вирта не производит впечатления взгляда психически уравновешенного человека.

Уже в его кандидатской диссертации «*Упадок голландской фольклорной песни*» (1911) причиной этого упадка оказывается «инородная культура больших городов» (Кондратьев 2007: 15). С началом мировой войны Вирт, гражданин нейтральных Нидерландов, уходит добровольцем в германскую армию, но уже через год его прикомандируют к оккупационному правительству Бельгии — для обеспечения связи между ним и правонационалистической организацией «младофламандцев» — «*Jung-Flamen*». «Император Вильгельм II был о работе Вирта осведомлён, и, более того, от мысли Вирта про “племенное родство нордических стран” приходил в полнейший восторг. Поэтому Вирту был в 1916 г. пожалован почетный титул “титулярного профессора” — в награду за пангерманистские настроения» (там же: 27—28).

В дальнейшем Г. Вирт всё больше увлекается «гиперборейской идеей», которую он подробно разработал в капитальном труде «*Der Aufgang der Menschheit*» (Йена, 1928). Переводить это название как «Происхождение человечества» (как поступают, в частности, А. В. Кондратьев и авторы сайта «*Полярная Звезда*») — неверно, буквально — «*Восхождение человечества*». Тем самым подчёркивалось, в частности, что полемика ведётся не столько с Ч. Дарвином или преисториками, сколько с О. Шпенглером, чья книга «*Untergang des Abendlandes*» («*Упадок закатных стран*», в русском переводе — «*Закат Европы*») была в то время на вершине популярности. В этой книге Г. Вирт защищал идею происхождения «расы атланти-нордов» с полярного материка — Арктиды или Арктогеи, после затопления которого его население переместилось в Атлантиду, размещаемую им на нынешней Доггер-банке в центре Северного моря. Книга вызвала подлинный шок. Изданный в 1932 г. в Мюнхене сборник «*Герман Вирт и немецкая наука*» А. В. Кондратьев (2007: 45) с полным основанием сравнивает с «*Антифоменковской мозаикой*». Ведущие специалисты уличили автора в невежестве в антропологии, биологии, истории и прочих науках, которые пришлось бы пересмотреть до основания, если принять его идеи на веру.

Естественно, для такого автора «*Книга Ура Линда*», в которой говорится о северной прародине и Атлантиде, явилась даром свыше. Первую статью на тему этой хроники Г. Вирт выпустил ещё в 1922 г. (каталог Й. Кальма, № 238)⁴⁵. В 1933 г. Вирт опубликовал её в лейпцигском издательстве «*Koehler und Amelang*» под названием «*Die Ura Linda Chronik*» — в своём переводе и с комментариями. Правда, он пренебрёг основными правилами издания источников. Сравнение с нидерландским текстом (OLB 2005 {1872}) показывает, что целые куски оригинала Г. Вирт опустил во-

⁴⁵ Wirth, H. — Lezing te Sneek over: De uileborden in Friesland in verband met het oud-Friesche geloof. — Bolswarder Crt. 1922, 6 Dec.; Nw. Sneeker Crt. begin Nov. 1922. (См. Kalma 2005 {1956}).

все, другие — заменил собственным пересказом (Вирт 2007: 100—101, 197 и др.), третьи — поменял местами. Это ещё более заметно при сравнении его текста с английским переводом, разбитым на стихи наподобие Библии (<http://cruiseneews.net/atlantis/oeralinda.html>).

Не имея возможности отрицать современное происхождение манускрипта, Г. Вирт настаивал на его многослойности: да, перед нами новодел XIX века, да, переписчик вставил многое из известных ему авторов (в частности, из французского просветителя К. Ф. Вольнея), но под этими напластованиями заметно древнее ядро. По его мнению, изначальная рукопись датируется 803 г., её список — 1256 г. (эти даты содержатся в первых же страницах самой хроники), затем она была обработана в начале XVII в. неизвестным нидерландским гуманистом, а затем — интерполятором начала XIX столетия (Вирт 2007: 391).

На сей раз обсуждение было невиданно бурным — правда, не столько в научной, сколько в популярной прессе. В ходе его в 1936 г. в Нидерландах были, наконец, опубликованы фотокопии манускрипта (Kalma, №563). Были названы и те источники, которыми, судя по их совпадению с предъявленным текстом, пользовался компилятор: все они, кроме Библии и «Германии» Тацита, появились между 1812 и 1854 годами. Скандал был столь велик, что Г. Вирту пришлось пожертвовать академической карьерой.

Однако ещё раньше он сменил её на карьеру политическую и пиаровскую. В 1925 г. он вступил в нацистскую партию, но уже через год из неё вышел (Кондратьев 2007: 70—71). Какое-то время он заигрывал даже с коммунистами, «считая, что эпоха патриархата как подавления изначальной нордической сакральности Белой Дамы закончилась в 1917 году, благодаря успешной большевистской революции»⁴⁶, затем вновь вернулся к нацистам. Иными словами, стал «бифштексом»: так нацисты презрительно называли переметнувшихся на их сторону коммунистов — коричневых напоказ, красных по сути.

В 1935 г. Вирт стал одним из вдохновителей печально знаменитого института «Наследие предков» (Ahnenerbe), созданного на основе существовавшего с 1928 г. «Общества Германа Вирта». Смысл понятия «наследие предков» сам Вирт формулировал так: «Осознать и обрести вновь ценности из давно ушедшего мира германских предков и обратить их на пользу практике и идеологии национал-социализма» (Колчинский 2007: 474). Задачи института формулировались как исследование «пространства, духа, дел и наследия расово-чистокровных индоевропейцев, чтобы результаты исследований были в яркой форме представлены народу» (там же). С самого начала институт был заполнен эсэсовцами (в том числе и вступившими в эту организацию учёными), а с 1940 г. был официально объявлен одной из структур СС — то есть перешёл в прямое подчинение Гимmlера.

В то время археология считалась ключом не только к преистории, но и ко всей антропологии. Поэтому в рамках «Ahnenerbe» проводились достаточно серьёзные раскопки, а их технический уровень был безупречен даже по сегодняшним меркам. Мало того, технологию раскопок удалось усовершенствовать, и плодами этих *методологических* разработок учёные пользуются и по сей день. Например, именно тогда был разработан метод аэрофотосъёмки, до сих пор позволяющий обнаруживать новые археологические памятники: в СССР и ГДР его далеко не всегда можно

⁴⁶ http://www.zvezda.ru/dossier/3/profile_5.htm

было применять по причинам государственной безопасности, а «крыша» СС позволяла обойти эти страхи. И всё же цена «фаустовской сделки» учёных с нацистским демоном оказалась слишком высока. Германская наука, откровенно превратившаяся в служанку политики, утратила доверие коллег, то мировое признание, которым она пользовалась целый век до этого. Учёным пришлось занять место бок о бок с откровенными шарлатанами, археологам — с астрологами, историкам — с оккультистами. Мало того, лёгкость, с которой вроде бы твёрдо установленные научные факты удавалось применить для обоснования бредовых идей, компрометировала не только конкретных исследователей, но и само научное знание как таковое. Статья Х. Хассманна (Haßmann 2002) полна примеров такого рода.

Большие усилия отдавались работам в области символики и первобытной религии. Однако серьёзные работы в этих областях (Ж. Дюмезиля, М. Элиаде, А. Ф. Лосева, а также специальные труды К. Г. Юнга, не говоря уж о полевых исследователях) появились лишь после Победы, и притом вовсе не в Германии. Нацистскую же активность в этих сферах Х. Хассманн оценивает как раз очень невысоко: «Широкое поле лженаук — особо интересная область, и Герман Вирт, фактический основатель *Ahnenerbe*, был самым известным представителем этой тенденции. Довольно неопределённая, но общедоступная область исследования символов, происхождения и ранних форм религии, корни которой уходят в XIX век и далее, достигла вершины расцвета при нацизме и всё ещё популярна сегодня» (Haßmann 2002: 116; выделено мной — Л. М.).

Но уже в 1938 г. Г. Вирт покинул *Ahnenerbe*. Возможно, сыграло роль давление рейхсляйтера по идеологии А. Розенберга, «Управление» которого конкурировало со структурами СС. Действительно, «партийному философу» не могли прийти по душе ни большевистские симпатии Вирта (сам-то Розенберг в 1918 г. бежал из России как раз от большевиков), ни его мнение, что «исследование корней германства — положительная цель — было первостепенным, а антисемитизм — отрицательное намерение — был “потерей времени”» (Steuckers 1993), ни его радикальный феминизм, включая тезис об изначальном матриархате у «нордических арийцев». Ведь Розенберг как раз отстаивал тезис об их изначальном патриархате, об «аполлоновском принципе отцовской власти» (Rosenberg 1934: 54; см. тж.: *ibid.*, 482—522), и истово верил в «*Протоколы сионских мудрецов*». И уж, конечно, нацистским лидерам должна была показаться чрезмерной претензия Г. Вирта, требовавшего — ни много ни мало — отказаться не только от христианства, но и от германского язычества, каким оно представало в обеих «*Эддах*», ради гипотетической «изначальной религии», какой она представала в «*Хронике Ура Линда*»!

В таком случае выходит, что Г. Гиммлер — фигура куда более сильная, чем А. Розенберг, и вполне способная «не выдать» ему тех, в ком он действительно нуждался, — невысоко ценил Г. Вирта. О «*Хронике Ура Линда*» рейхсфюрер лишь снисходительно отозвался, что «из тысячи камешков мозаики, которые представляют подлинную картину возникновения системы мира и её истории, несколько камешков содержатся в этой книге» (письмо профессору Вальтеру Вюсту от 25 октября 1937 г. — Кондратьев 2007: 95—96). Во всяком случае, получается, что пожертвовали Виртом легко. Довольно скоро Розенберг наложил запрет на его публикации. Добиться этого было не так уж трудно, поскольку нидерландского мистика критиковали не только ариософы, но и серьёзные учёные. Однако есть и другая версия: Вирт

в 1938 г. сам порвал с Гиммлером, «рассудив, что СС — преторианцы Третьего рейха — современное воплощение мужских союзов (Männerbünde), искоренивших с помощью вотанизма [то есть германского язычества], а затем и христианства, материнские культы, свойственные атланти-нордической пракультуре» (Steuckers 1993).

Так или иначе, уход Вирта из *Ahnenerbe* оказался для него спасительным. После Победы он был интернирован американцами, но довольно скоро выпущен — видимо, его сочли безвредным помешанным. Как ещё можно понимать для человека, претендовавшего на реформу всей исторической науки и открытие подлинной древнейшей истории, формулировку, с которой он был освобождён: «naïf abusé» — «вовлечённый по наивности» (Steuckers 1993)?! Уехав на 7 лет в Швецию, Вирт затем вернулся в ФРГ, где с неослабевающей энергией продолжал писать труды в защиту своих прежних взглядов. Занимался он частным преподаванием, получал денежное содержание от Гёттингенского университета, участвовал в раскопках, однако в академическую науку больше не был допущен. Как и Э. Юнгер, в конце жизни он примкнул к экологическому движению — «зелёным». Умер Г. Вирт в 1981 г. в Кузеле (рейнский Пфальц), лишь немного не дожив до своего столетия.

II.7.3. А. Г. Дугин как популяризатор идей Г. Вирта

Вся эта история привела к чрезвычайной политизации споров вокруг *«Хроники Ура Линда»*. В наши дни её поднимают на щит крайне правые, особенно в России. В 1993 г. А. Г. Дугин выпустил изложение концепций Г. Вирта отдельной книгой (Дугин 1993). В дальнейшем он популяризировал «гиперборейскую теорию» через свой сайт *«Арктогея»* (<http://www.arcto.ru>), уже в 2000 г. выступил с анализом «расовых архетипов» *«Хроники Ура Линда»*, а в 2007 г. выступал на презентации её русского перевода (Герман Вирт 2007) — с перевода Г. Вирта и с его именем на обложке.

Осмысленная полемика с этим автором не представляется оправданной. Бывший член оккультных организаций, бывший член *«Памяти»*, бывший член НБП и т. д., везде претендовавший на роль идеолога и практически отовсюду ушедший со скандалом, а ныне — создатель *«Евразийской партии»*, при этом уверенный, что сам он — православный фундаменталист (как заявил журналу *«ФНМ»*⁴⁷), А. Г. Дугин не производит впечатления человека, готового отвечать за последствия своих слов. Это показывают уже его конспирологические идеи.

В предисловии к своей книге *«Конспирология»* (2005) А. Г. Дугин весьма критически оценивает теории мирового заговора, для которых он же сам в 1991 г. и предложил это название, с тех пор прижившееся, показывает их внутреннюю ущербность и даже предупреждает: «Вместе с тем, к этой сфере надо относиться деликатно и с определенной дистанцией, так как чрезмерное и некритическое увлечение конспирологическими сюжетами чревато интеллектуальной деградацией, систематическими упрощениями, а значит, умственной ленью, социальной пассивностью, а в некоторых крайних случаях и реальным психическим расстройством». Определяя конспирологию как «весёлую науку постмодерна», позволяющую «играть с реальностью», он предлагает свои «авторские версии использования “политологии постмодерна” — с ещё сохраняющейся иронической дистанции (что сближает их с продуктами творчества постмодернистов), но с аккуратным смещением в сторону страстной

⁴⁷ <http://web.archive.org/web/20041223010619/www.arctogaia.com/public/fhm.html>